

МНЕНИЕ

Елизавета Лидер: «Кому достанется наше движение?»

Новым председателем Совета научной молодежи СО РАН стала научный сотрудник Института неорганической химии им. А.В. Николаева СО РАН кандидат химических наук **Елизавета Викторовна Лидер**. Мы поговорили с ней о «вечных вопросах» молодых ученых: жилье, юридических сложностях взаимодействия с властью, а также о том, почему сегодняшние аспиранты становятся менее инициативными

— Какие вопросы сегодня наиболее остро стоят перед Советом научной молодежи СО РАН?

— Основные цели на протяжении многих лет остаются теми же. Это не значит, что они не решаются, просто приходит новая молодежь, и для нее становится актуальной та же проблема. В первую очередь это, конечно же, вопрос с жильем. У нас строительство жилищного фонда сильно не успевает за темпами роста — особенно Новосибирска. Программы, которые помогают исследователям приобрести квартиры, рассчитаны на долгосрочную перспективу. Например, сертификаты молодым ученым, про которые много говорят, выдают только тем, у кого уже есть пятилетний научный стаж. Но эти пять лет человеку надо где-то жить! У нас предоставляется также служебное жилье и места в общежитиях. По этому вопросу всё очень хорошо продвинулось несколько лет назад, когда были построены несколько домов на улицах Серебряное озеро и Шатурская. Тогда удалось обеспечить квартирами практически всех нуждающихся. Но молодежь приходит новая, а уже заселившиеся ученые свои жилищные условия улучшают медленно. Со служебным жильем сейчас, на мой взгляд, у нас самая провальная ситуация. Пока фонд как-то не продвинется, не образуются новые квартиры, эта программа «подвисает». Комнаты в общежитиях также высвобождаются небыстро. Мы стараемся помогать молодым ученым хотя бы с правовой точки зрения, со сбором и оформлением документов на жилищные сертификаты. Даже если человек полностью подходит под все критерии, он сталкивается с различными юридическими проблемами (зачастую просто по незнанию), может неправильно составить эти бумаги, какие-то из них не предоставить, а головное московское ФАНО скрупулезно проверяет все эти вещи. Если что-то не соответствует правилам, заявка отсекается.

— На сайте СНМ СО РАН отмечается, что основные условия участия молодых ученых в новой ФЦП «Жилище» на 2015–2020 гг. не изменились, и, как обычно, допускают некоторые юридические двусмысленности. О каких именно идет речь?

— Юридические места, о которых здесь говорится, с точки зрения закона трактуются однозначно, но ФАНО, как владелец целевых средств, устанавливает собственные критерии и трактует законы по-своему. Самый острый пример — это заверка документов. При подаче заявления надо предоставить огромное количество копий. На выходе получается очень большой пакет документов, которые должны быть заверены в установленном законом порядке. Еще несколько лет назад требовали нотариальную заверку каждой копии. Сейчас позволяют прошивать пачку документов и заверять сразу весь пакет (за исключением отдельных заявлений). Многие послабления были сделаны именно в результате активного взаимодействия предыдущего председателя СНМ СО РАН с руководством ФАНО. Однако даже если молодой ученый подходит по всем критериям и соберет все необходимые документы, это еще не гарантия того, что жилищный сертификат ему достанется. Можно сказать: здесь имеет место что-то вроде лотереи, повезет — не повезет, поскольку количество сертификатов, как правило, меньше числа желающих их получить.

— Какие еще функции, кроме помощи в решении жилищного вопроса, осуществляет Совет научной молодежи?

— Мы занимаемся экспертной деятельностью. Члены бюро СНМ входят в экспертные группы различных городских, областных научных и околонучных конкурсов, программ, по которым молодым исследователям выдаются гранты, стипендии, премии. Мы рецензируем заявки и участвуем в

общем коллегиальном их рассмотрении. Наша задача — помочь принимающим решение разобраться в сути исследования и не допустить «перекосов». Мы понимаем, что иногда две сухие строчки содержат в себе труда больше, чем три исписанные страницы текста. Мы стараемся отслеживать эти моменты и корректировать принимающиеся решения, а также отстаивать интересы молодежи, которая работает именно в фундаментальной науке, чтобы не было сильного перекоса в сторону «технарей». У последних работы могут быть более полезными в практическом плане, но всё-таки без фундаментальных знаний развитие науки невозможно.

Также мы осуществляем представительские функции: в московском ФАНО, в Управлении делами СО РАН, на всех мероприятиях, где полезно быть и узнавать информацию из первых уст. Стараемся своевременно информировать молодых исследователей о различных конкурсах и грантах.

— Вы — ответственный секретарь Комиссии по тревел-грантам в Новосибирском государственном университете. Расскажите, что эти гранты из себя представляют?

— Эта программа предназначена для молодого профессорско-преподавательского состава НГУ до 35 лет, она позволяет молодым ученым ездить с докладами на различные конференции. Ее цель — популяризация университета. Сотрудник университета приезжает куда-то, лучше за рубеж, делает доклад по своей научной работе, при этом у него в аффилиациях фигурирует НГУ. Поддерживаются прежде всего поездки за границу, а также хорошие международные конференции в России. Для студентов и аспирантов сейчас существует очень много программ, которые спонсирует множество российских и зарубежных фондов. А когда человек защитил кандидатскую диссертацию, но еще не успел получить грант, он уже не попадает под эти программы, и образуется некий вакуум. При этом резко возрастают различные накладные расходы в поездках. Для студентов и аспирантов действуют очень большие льготы, особенно за рубежом, например оргвзносы на конференциях для них вообще минимальные, а для научных сотрудников эти же оргвзносы уже составляют сотни евро. То есть финансовая нагрузка увеличивается колоссально. Вот на таких молодых преподавателей и рассчитана программа тревел-грантов. Конкурс достаточно высокий, и мы стараемся оценивать объективно, с точки зрения того, какую пользу это принесет НГУ, абстрагируясь от личных знакомств.

— С момента объявления реформы РАН уже прошло несколько лет, изменилась ли как-то за это время жизнь сотрудников сибирских научных институтов?

— Самое заметное, что у нас произошло в связи с реформой, это слияние трех академий наук: РАН, РАМН и РАСХН. При этом последняя, как мне кажется, сильно проиграла и потерялась. Насколько мне известно, почти все ее институты нерентабельные, их постоянно укрупняют, сливают между собой, к кому-то присоединяют. Они по определению не могут конкурировать и соперничать с институтами бывшей «большой» РАН. У нас сейчас всё измеряется различными индексами и показателями, а каких показателей может достичь человек, который изучает, например, почвы в Забайкалье? Кому эти исследования интересны, кроме самого Забайкалья и нашей страны? Такой ученый не может опубликовать статью в Nature и получить за это большие рейтинги. А когда его исследования сравнивают с фундаментальной наукой, развивающейся по всему миру, естественно, он оказывается в проигрышном положении. При этом для России такие исследования чрезвычайно важны, и прекращать их за нерентабельностью нецелесообразно.

— А если говорить о молодом, только пришедшем в институт исследователе, поменялась ли как-нибудь его жизнь?

— В данном плане, я считаю, произошло нечто со знаком минус. Когда я пришла в СО РАН, то изначально понимала: для того чтобы в науке чего-то достичь, мне надо самой что-то делать, проводить исследования, публиковаться, посещать конференции. Потому что сегодня ученый, о котором никто не знает, это, можно сказать, не ученый. А чтобы про тебя знали, даже мало публиковаться в хороших журналах, нужно активно ездить на различные мероприятия, желателен масштабные и зарубежные. К сожалению, в нашем мире очень многое зависит от личных знакомств. Если ты человека узнал, познакомился, ты потом охотнее прочитаешь его статьи в интернете, процитируешь. При этом завязавшийся контакт, как правило, личный, его сложно установить по переписке. Ко всему прочему, в результате такого общения могут возникнуть коллаборации, организуется совместная работа. Всё это способствует наработке научной части материала. Если же человек сидит пассивно, куда

не ездит и тихонько публикуется в наших российских переводных журналах, то о его исследованиях, даже если они очень хорошие, известно ограниченному кругу ученых. Более того, если кто-то потом проведет подобные исследования и расскажет об этом в высокорейтинговых журналах, доказать, что ты был первым, будет весьма трудно.

Сейчас у молодежи больше пассивности. Привлечь аспирантов в институты можно либо за идею (что сегодня встречается редко), либо пообещав какие-то надбавки. Оклады у нас не очень большие, но если человек активно работает, у него есть несколько грантов, проектов, благодаря чему он имеет вполне нормальный доход. И этими надбавками стараются привлечь молодежь. Аспиранты, придя в институт, еще ничего не сделав, первым делом задают вопрос: а сколько я буду получать? Им называют размер оклада, они морщатся и разворачиваются. Им тут же обещают: мы вам будем доплачивать! Тогда они остаются и с мыслью «что бы мы ни делали, нам будут доплачивать» начинают работать в институте. Если из набора 10–15 аспирантов хотя бы один окажется активным и прозорливым, то это считается очень хорошим результатом. Остальные будут ходить на работу, делать то, что им говорит руководитель, не особенно вдаваясь в то, зачем они это делают. А ведь наука в первую очередь состоит из идеи. Хорошо развивать идеи научного руководителя. Студент защищает диплом, поступает в аспирантуру, пишет кандидатскую, а дальше ему говорят: теперь давай сам. А у него идей нет. То есть, грубо говоря, мы выпускаем высококвалифицированных лаборантов.

На съездах научной молодежи сейчас в основном собираются люди возраста после тридцати. Вообще говоря, у нас крайний возраст — 35 лет, но Москва его активно оттягивает и повышает вплоть до 40 и выше для кандидатов наук. С одной стороны, можно смеяться и говорить, что это такая «вечная молодежь», которая сидит на своих местах и уходить не хочет, а с другой — я вижу и понимаю, что смены особо нет. Ты людей зовешь, приглашаешь что-то делать, но им не надо. Потому что эта нагрузка по большей части волонтерская. И такое пассивное отношение к жизни несколько удручает. Если они не активизируются, то кому же тогда достанется наше движение? В 1990-е годы оно уже прекратило свое существование. Ощущение такое, что мы примерно к этому же и приближаемся. Сейчас закончится период деятельности активной молодежи, возродившей Совет, и не видно никого, кто бы нас заменил. А если Совета не будет, тогда, во-первых, действительно получится, что каждый сам за себя. А во-вторых, не останется никакого молодежного представительства. Как чиновники решат, так и будет, а потом все станут задаваться вопросом: «Почему же нас никто не слушает?». Ведь хочется контролировать ситуацию «снизу», чувствовать себя в центре событий.

— Одна из задач Совета научной молодежи — популяризация науки. Что сейчас делается в этом ключе?

— Да, есть такая задача. Но с ней сложнее, чем с другими. Здесь всё зависит от идеи самих молодых ученых, про активность которых я уже говорила. К сожалению, популяризовать науку теми силами, которые у нас есть, просто невозможно, потому что это надо делать постоянно, на различных уровнях, начиная со школ и заканчивая телевидением, радио. Передачи про науку существуют, но в них в основном речь идет о разработках зарубежных исследователей. Необходимо рассказывать людям о том, что творится у нас здесь, рядом. В школах периодически проводятся научно-популярные лекции, много детей приезжает на Дни науки, мы в своем институте не только делаем для них экскурсии, но и показываем химические опыты, что имеет бешеный успех. Была инициатива отдельных институтов, которые писали обращения в ФАНО с просьбой разрешить посещать их детям на осенних каникулах. ФАНО поддержало эту идею, по подведомственным организациям разослало письма, но, насколько мне известно, особой популярностью эта программа не пользовалась. Кто-то говорил: «Есть же Дни науки в феврале, зачем сейчас суетиться?». С одной стороны, такую позицию я понимаю — нагрузка на научных сотрудников сейчас очень большая, и заниматься какой-то посторонней деятельностью зачастую просто нет возможности, потому что придется на несколько дней всё бросить и посвятить себя подготовке и проведению мероприятия. С другой, возможно, это действительно имело бы смысл с точки зрения популяризации, ведь сейчас программы образования таковы, что уже в средней школе начинаются различные специализации, и детям полезно было бы посмотреть, что сейчас делается в институтах и как. Если школьники Академгородка хоть как-то это представляют, то в городских школах с наукой полный вакуум, им проще сводить детей в Художественный музей, нежели привезти сюда. В наших планах сейчас — модернизировать систему взаимодействия со школами.

Текст и фото Дианы Хомяковой